

УДК 364.26

С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, М.М. Максимова
S.G. Maksimova, O.Ye. Noyanzina, M.M. Maksimova

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ
ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА: ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ТРЕХ РЕГИОНАХ РОССИИ**

**SOCIAL-ECONOMIC FACTORS OF SOCIAL EXCLUSION OF PERSONS OF ELDERLY AGE:
EVALUATION OF SOCIAL POLICY IN THREE RUSSIAN REGIONS**

Ключевые слова: эксклюзия, социальная эксклюзия, пожилые, регион, факторы социальной эксклюзии, оценка, третий возраст, инклюзия, индикатор, депривация.

На основе данных социологического исследования проведена оценка факторов, увеличивающих риск социальной эксклюзии на макро- и мезоуровнях организации жизнедеятельности пожилого населения трех российских регионов. В исследовании методом личного интервью приняли участие 779 респондентов в возрасте от 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет и старше (2016 г., Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская область). Каждый индикатор социальной эксклюзии измерялся на основе самооценок пожилого населения. Оценка факторов макро- и мезоуровня, адаптированных относительно механизмов социальной эксклюзии пожилых в российском обществе, проведена на основе 10-балльной шкалы, где 10 – отражает минимальную депривацию признака среди опрошенных пенсионного возраста. Сделан вывод о том, что во всех трех регионах одинаково выраженными являются такие факторы, как планомерность мероприятий по социальной защите пожилых, достаточность общественных объединений пожилых, защита трудовых прав пожилых. По всем рассматриваемым факторам социальной эксклюзии пожилых на макро- и мезоуровнях, за исключением доступности здравоохранения, в Алтайском крае максимально выражены условия, продуцирующие пассивную эксклюзию пожилого населения. Наиболее благоприятными выглядят социальные условия жизни пожилых в Забайкальском крае, Кемеровская область занимает промежуточное положение. Существующая на сегодняшний день система экономической и социальной поддержки пожилого населе-

ния создает условия для формирования социальной эксклюзии пожилых, особенно их материальной депривации и ограничения социального участия.

Keywords: exclusion, social exclusion, elderly people, region, factors of social exclusion, evaluation, third age, inclusion, indicator, deprivation.

The authors have evaluated the factors of macro- and meso-levels which increase the risk of social exclusion of elderly people; the data of sociological research in three Russian regions were used. Personal interviewing covered 779 respondents at the age of 55 (women) and 60 (men) and older (the year of 2016, the Altai Region, Trans-Baikal Region and Kemerovo Region). Each indicator of social exclusion was evaluated based on self-evaluation scales for elderly respondents. The authors adopted the factors of social exclusion of macro- and meso-levels to the contemporary Russian social life and used 10-point scale with '10' as a minimal deprivation of the indicator among respondents. It is concluded that in all three regions the following factors are equally evident: system character of measures on social protection of elderly people, sufficient number of public organization of elderly people, and protection of labor rights. In the Altai Region, all factors, excluding the access to health care services, are extremely expressed. Such factors produce passive exclusion of elderly people. The most favorable conditions are in the Trans-Baikal Region; the Kemerovo Region occupies intermediate position. The existing system of economic and social support of elderly people itself creates conditions for the formation of social exclusion of elderly population, and particularly their material deprivation and limited social participation.

Максимова Светлана Геннадьевна, д.с.н., проф., зав. каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, к.с.н., доцент, каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: noe@list.ru.

Максимова Маргарита Максимовна, студент, НЭУ Высшая школа экономики, г. Москва. E-mail: maximovamargaritam@gmail.com.

Maksimova Svetlana Gennadyevna, Dr. Sociol. Sci., Prof., Head, Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Noyanzina Oksana Yevgenyevna, Cand. Sociol. Sci., Assoc. Prof., Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: noe@list.ru.

Maksimova Margarita Maksimovna, student, Natl. Research University "Higher School of Economics". E-mail: maximovamargaritam@gmail.com.

Введение

Многими исследователями отмечается, что для современного общества характерны горизонтальное расслоение [1] и социальные группы на периферии, какими являются в том числе представители «третьего возраста», сталкиваются с трудностями и оказываются особенно уязвимыми перед социальными рисками. В обществе пожилые люди испытывают на себе проявления геронтофобии и стереотипы старости [2], отделение от рынка труда [1, 3, 4], отсутствие институтов ресоциализации (особенно отсутствие доступа к образованию [5], политическому участию [6]; в семье – межпоколенческие конфликты, различные виды насилия [7]; на индивидуальном уровне – переживают комплекс психофизиологических возрастных изменений [8, 9] и факторы увеличения суицидального риска [10].

Однако согласно решениям Венской ассамблеи по проблемам старения, пожилые люди – не только полноправные потребители плодов социально-экономического развития, но и равные участники процесса развития (Мадридский международный план действий по проблемам старения, 2002); достойная жизнь и развитие каждого человека являются целью социальной политики государства (Конституция Российской Федерации, 1993).

Актуальность современных исследований социальной эксклюзии пожилых определяется, с одной стороны, ростом темпов старения населения, растущей степенью дифференциации населения страны по возрастному признаку, «возрастной сегрегацией» [9], с другой стороны, – незащищенностью пожилых как социальной группы и необходимостью восстановления их доступа к гражданским правам, улучшения качества их жизни.

Оценка многомерных моделей депривации в разных странах не является новой для научных работ. Такой анализ проводится при расчете Индекса человеческого развития UNDP и является имплицитным при описании бедности и оценке коррелятов бедности. Silver [11] описан целый ряд подходов к мониторингу социальной эксклюзии на макро и микроуровнях. Французский план действий по преодолению безработицы предусматривает учет 35 количественных индикаторов оценки социальной эксклюзии, ЕС установил ряд количественных индикаторов оценки инициатив, приводящих к социальной эксклюзии [12]. Политический манифест британской трудовой партии [13]

включает в себя «устав бедности», в котором предложены 30 шкал для оценивания степени продвижения к национальной интеграции, во французских панельных исследованиях учитывается динамичный компонент эксклюзии, можно выделить подход, основанный на оценке социального капитала, социальной эксклюзии и инклюзии в социальные сети.

Обратим внимание, что во всех случаях учитывается целый ряд возможных индикаторов, но концепция социальной эксклюзии выходит за рамки простого сопоставления индикаторов исключенности. Важным моментом является рассмотрение причин депривации, а не только оценка результатов измерений. Так, Raugam, исследуя социальную эксклюзию во Франции, приводит пример двух типов анализа [14]. Он описывает «спирали шаткости» – то, как в депривированных районах Франции безработица сопровождается не только потерей дохода, но также социальными и психологическими формами депривации, такими как супружеские проблемы или потеря «социального капитала».

Целью работы является оценка факторов риска социальной эксклюзии пожилых на макро- и мезоуровнях. Следует учитывать, что пожилые люди являются как объектом социальной политики, так и активным субъектом государственной политики. Чаще всего социальная политика в отношении пенсионеров оценивается неэффективной как с точки зрения населения, так и с точки зрения пожилых. Исследуя мнения населения, А.А. Смолькина показывает, что социальной политике в отношении пенсионеров приписываются популизм и декларативность, населением низко оценивается эффективность специализированных служб и действующие законы [4]. Данное отношение к социальным реформам и реформам пенсионного законодательства подтверждается среди пенсионеров. К.Л. Баранова, рассматривая социальную эксклюзию пожилых в Уральском Федеральном округе, обращает внимание, что подавляющее большинство респондентов полагают, что существующая система не отражает потребности отдельных социальных групп, почти половина респондентов не удовлетворена социальной политикой государства в отношении пенсионеров, только треть положительно относится к реформам социальной сферы, а значит, большинство пенсионеров относит себя к эксклюзируемой группе [15].

Материалы и методы

Оценка факторов социальной эксклюзии пожилых в трех регионах Российской Федерации проведена на основе результатов социологического исследования, в котором приняли участие 779 респондентов в возрасте от 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет (2016 год, Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская область, работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015-2017). Оценка строилась с учетом различий в возрасте выхода на пенсию: для женщин – 55 лет, мужчин – 60 лет. В итоге 28,5% респондентов составили мужчины, 71,5% – женщины. В женской подвыборке 30,7% составили женщины в возрасте 55-59 лет, 32,0% – 60-64 года, 21,0% – 65-69 лет, 16,3% – в возрасте от 70 лет и старше. Среди мужчин 55,0% – в возрасте от 60 до 64 лет, 27,5% – 65-69 лет, 15,8% – от 70 до 74 лет и 1,8% – от 75 лет и старше. В Алтайском крае (33,6% общей выборки) практически в равной мере представлены как городские (53,1%), так и сельские (46,9%) респонденты. В Забайкальском крае (33,0% общей выборки) выборка смещается в сторону горожан: 74,7% городских и 23,5% сельских пенсионеров. В Кемеровской области (33,4% общей выборки) поселенческая диспропорция еще заметнее: 86,5% горожан и 13,5% сельчан.

Gerda Jehoel-Gijsbers и Cok Vrooman в работе «Explaining Social Exclusion. A theoretical model tested in the Netherlands» протестировали модель социальной эксклюзии, в которую, помимо индивидуальных и групповых факторов риска социальной эксклюзии, включены факторы макро- и мезоуровней: на макроуровне такие, как степень бюрократизации и урбанизации общества, миграционные процессы и постарение общества, неадекватная ситуация политики властных структур, огрехи системы социального обеспечения, отсутствие или ограничение доступа к ряду социальных услуг и гарантий; на мезоуровне рассмотрены действия властей, бизнеса и сообщества, такие как время ожидания, дискриминация, финансовые ограничения, выбор рисков (работодателями, банкирами и т.п.) [16].

В ходе исследования проведена оценка факторов макро- и мезоуровней, адаптированных относительно механизмов социальной эксклюзии пожилых в российском обществе. Оценки проведены на основе 10-балльной шкалы, где 10 – отражает ми-

нимальную депривацию признака среди подвыборки опрошенных пенсионного возраста.

В оценку была включена следующая батарея показателей: «Пожилые социально защищены минимальной пенсией»; «Повышают размер пенсии»; «Обеспечены необходимые льготы (проезд в общественном транспорте, льготы на оплату коммунальных услуг)»; «Увеличивается адресная помощь»; «Здравоохранение доступно, существуют возможности бесплатного лечения»; «Создана система моральной поддержки, психологической помощи пожилым»; «Пожилые, работающие на пенсии, нужны и полезны»; «Система услуг для одиноких и инвалидов оптимальна и не нуждается в улучшении»; «Справедливое распределение пенсий»; «Пожилые защищены в кризисной ситуации»; «Существующая защита прав пожилых на законодательном уровне осуществляется на практике»; «Мероприятия по социальной защите носят планомерный характер»; «Достаточно общественных организаций для пожилых»; «Существует политика воспитания уважительного отношения молодых к пожилым»; «Права пенсионеров защищают на работе».

Для статистической обработки и визуализации результатов применялись программы IBM SPSS 23.0 и MS Excel.

Результаты и обсуждение

Средние оценки выраженности факторов социальной эксклюзии варьируют в диапазоне от 3,03 до 6,12 баллов. Отметим, что только два фактора получили значение выше среднего: востребованность пожилых в сфере труда (6,12 балла) и обеспеченность этой категории граждан необходимыми льготами (5,02 балла). Все прочие были оценены в среднем в диапазоне от 3 до 4 баллов. Максимально депривированными являются такие характеристики, как справедливое распределение пенсий (3,03), защищенность в кризисной ситуации (3,12), оптимальность системы услуг для пожилых (3,39) и системы моральной поддержки для пожилых (3,25). В целом, по данным таблицы 1 можно сделать вывод о том, что пожилое население страдает от независимых от самих пенсионеров факторов экономической, политической и социальной среды, приводящих к депривации их прав в разных сферах и снижающих устойчивость по отношению к ним (табл. 1).

На выраженность описанных выше факторов во многом оказывает влияние регио-

нальная политика в сфере социальной защиты и поддержки пожилого населения. В этой связи нам представляется значимым рассмотреть региональные особенности депривации факторов макро- и мезоуровней. Апостериорные тесты, рассчитанные по итогам дисперсионного анализа, позволили выявить, между какими регионами, охваченными исследованием, существуют значимые отличия, и описать факторы, отсутствие значимых различий между которыми свидетельствовало о сходстве их восприятия, в зависимости от оцениваемого признака.

Во всех трех регионах одинаково выраженными являются такие факторы, как планомерность мероприятий по социальной защите пожилых, достаточность общественных объединений пожилых, защита трудовых прав пожилых.

По ряду признаков социальной эксклюзии в одну группу вошли Алтайский и Забайкальский края: востребованность пожилых в трудовой сфере (5,63 и 6,03 соответственно), отдельную группу образовала Кемеровская область со средним значением признака 6,70; обеспеченность необходимых социальных льгот (4,51 и 4,92 соответственно), Кемеровская область также вошла в отдельную группу со средним значением 5,61.

По признаку «Повышают размер пенсии» Алтайский и Забайкальский края составили одну группу (3,47 и 4,00 соответственно), при этом Забайкальский край также вошел в одну группу с Кемеровской областью (4,00). А по признаку «Увеличивается адресная помощь», наоборот, в одну группу вошли Алтайский край и Кемеровская область (3,23 и 3,72), а Кемеров-

ская область вошла одновременно в одну группу с Забайкальским краем (3,88).

По признаку «Справедливое распределение пенсий» опять же схоже оценены Алтайский край и Кемеровская область (2,72 и 3,09), причем вторая схоже оценена с Забайкальским краем (3,30). По признаку «Оптимальная система услуг для одиноких и инвалидов» на основе средних оценок также образованы две группы: в первой расположились Алтайский край (3,06) и Кемеровская область (3,05), а во второй – Кемеровская область и Забайкальский край (3,61).

По признаку «Наличие политики уважительного отношения к пожилым» образованы идентичные группы: Алтайский край и Кемеровская область (3,35 и 3,83), Кемеровская область и Забайкальский край (3,83 и 4,30).

По признаку «Доступность здравоохранения» в одну группу вошли Кемеровская область и Алтайский край (3,56 и 3,71). Вторую же составил Забайкальский край (4,36). Такая же картина зафиксирована и в отношении признака «Система моральной поддержки пожилых» (Алтайский край и Кемеровская область в одной группе со средними значениями 2,99 и 3,13 баллов). Во второй группе Забайкальский край с 3,63 балла.

В отношении же признака «Законодательная защита прав пожилых» отдельную группу, наоборот, составил Алтайский край со средним значением признака 3,21 балл, в состав второй группы вошли два других региона со средним баллом в Кемеровской области и в Забайкальском крае 3,69 (табл. 2).

Таблица 1

Оценка факторов социальной эксклюзии, средние значения, минимальное значение отражает максимальную депривацию

Факторы макро- и мезоуровней	M	m
Пожилые социально защищены минимальной пенсией	3,97	0,092
Повышают размер пенсии	3,96	0,089
Обеспечены необходимые льготы (проезд в общественном транспорте, льготы на оплату коммунальных услуг)	5,02	0,098
Увеличивается адресная помощь	3,61	0,083
Здравоохранение доступно, существуют возможности бесплатного лечения	3,87	0,082
Создана система моральной поддержки, психологической помощи пожилым	3,25	0,078
Пожилые, работающие на пенсии, нужны и полезны	6,12	0,094
Система услуг для одиноких и инвалидов оптимальна и не нуждается в улучшении	3,39	0,081
Справедливое распределение пенсий	3,03	0,076
Пожилые защищены в кризисной ситуации	3,12	0,077
Существующая защита прав пожилых на законодательном уровне осуществляется на практике	3,53	0,08
Мероприятия по социальной защите носят планомерный характер	3,96	0,086
Достаточно общественных организаций для пожилых	3,75	0,079
Существует политика воспитания уважительного отношения молодых к пожилым	3,82	0,082
Права пенсионеров защищают на работе	4,13	0,083

Отметим, что по всем рассматриваемым факторам социальной эксклюзии пожилых на макро- и мезоуровнях, за исключением доступности здравоохранения, в Алтайском крае максимально выражены условия, продуцирующие, следуя идее Sen [17], пассивную эксклюзию пожилого населения. Наиболее благоприятными выглядят социальные условия жизни пожилых в Забайкальском крае, Кемеровская область занимает промежуточное положение.

Между факторами, определяющими наличие выраженных условий для возникновения социальной эксклюзии групп пожилого населения на рассматриваемом уровне, выявлены значимые взаимосвязи, означающие существование латентных перемен-

ных (факторов). В результате факторного анализа, проведенного на выборке агрегированных данных, было выделено два значимых фактора, описывающих 66,3; 33,7% дисперсии переменных (в совокупности 100,0%), включенных в модель (табл. 3).

В первый фактор ($\lambda=9,9$) вошли переменные, описывающие аспекты экономической и социально-политической защищенности пожилого населения: защищенность минимальной пенсией, от кризисных ситуаций, в сфере труда индексации пенсионных выплат, достаточность законодательства, обеспечивающего уровень защищенности пожилых, наличие развитой системы моральной поддержки и востребованности в сфере труда.

Таблица 2

Результаты апостериорных тестов (тест Дункана) в региональных подвыборках по факторам социальной эксклюзии пожилых, средние значения

Факторы социальной эксклюзии/инклюзии пожилых	Подмножество для $\alpha = 0,05$	Алтайский край	Забайкальский край	Кемеровская область
Повышают размер пенсии	1	3,47	4,00	
	2		4,00	4,41
Увеличивается адресная помощь	1	3,23		3,72
	2		3,88	3,72
Система услуг для одиноких и инвалидов оптимальна и не нуждается в улучшении	1	3,06		3,50
	2		3,61	3,50
Справедливое распределение пенсий	1	2,72		3,09
	2		3,09	3,30
Существует политика воспитания уважительного отношения молодых к пожилым	1	3,35		3,83
	2		3,83	4,30
Здравоохранение доступно, существуют возможности бесплатного лечения	1	3,71		3,56
	2		4,36	
Создана система моральной поддержки, психологической помощи пожилым	1	2,99		3,13
	2		3,63	
Существующая защита прав пожилых на законодательном уровне осуществляется на практике	1	3,21		
	2		3,69	3,69

Таблица 3

Результаты факторного анализа. Матрица компонентных нагрузок после вращения

Повернутая матрица компонентов ^а	компонент	
	1	2
Пожилые социально защищены минимальной пенсией	,950	,314
Повышают размер пенсии	,830	,557
Обеспечены необходимые льготы (проезд в общественном транспорте, льготы на оплату коммунальных услуг)	,010	1,000
Увеличивается адресная помощь	,994	-,112
Здравоохранение доступно, существуют возможности бесплатного лечения	,471	-,882
Создана система моральной поддержки, психологической помощи пожилым	,763	-,646
Пожилые, работающие на пенсии, нужны и полезны	-,002	1,000
Система услуг для одиноких и инвалидов оптимальна и не нуждается в улучшении	,998	-,057
Справедливое распределение пенсий	,974	-,227
Пожилые защищены в кризисной ситуации	,960	-,279
Существующая защита прав пожилых на законодательном уровне осуществляется на практике	,991	,135
Мероприятия по социальной защите носят планомерный характер	,897	,442
Достаточно общественных организаций для пожилых	,101	,995
Существует политика воспитания уважительного отношения молодых к пожилым	,928	-,372
Права пенсионеров защищают на работе	,953	-,302
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера а. Вращение сошлось за 3 итераций		

Смысл второго фактора ($\lambda=5,0$) задавался переменными, имеющими максимальные нагрузки в диапазоне 0,9-1,0 и отражающими уровень обеспеченности социальных льгот и развитость сети гражданских общественных инициатив для пожилых, а также недоступность здравоохранения.

Заключение

Можно сделать вывод о выраженных во всех трех регионах внешних неблагоприятных для обеспечения социальной инклюзии пожилых в социальных, экономических и политических условиях, которые зависят прежде всего от действий региональных властей, развитости и зрелости институтов гражданского общества в сфере поддержки пожилого населения. Дисбаланс в развитии подобных инициатив и потребностях пожилого населения приводит к формированию пассивной социальной эксклюзии. То есть существующая на сегодняшний день система экономической и социальной поддержки пожилого населения создает условия для формирования социальной эксклюзии пожилых, особенно их материальной депривации и ограничения социального участия. Максимально усиливающими социальную эксклюзию выглядят условия жизни пожилых в Алтайском крае, хотя существенных отличий в ситуации между регионами не наблюдается, и в целом ситуация неблагоприятна во всех трех рассматриваемых регионах.

Библиографический список

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 6. – С. 148-160.
2. Шмерлина И.А. «Либерализация старения»: теоретические иллюзии и эмпирические «аномалии» (часть I) [Электронный ресурс] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2013. – № 3 (115). – С. 71-83. – URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Shmerlina_Liberalizatsiya_stareniya_1.pdf.
3. Чернышкова Е.В. Статусные характеристики пожилых людей: экономический аспект [Электронный документ] // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 32. – С. 175-181. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/statusnye-harakteristiki-pozhilyh-lyudey-ekonomicheskiiy-aspekt>.
4. Смолькин А.А. Бедность и социальный статус пожилых людей в современной России [Электронный документ] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2010. – № 3 (97). – С. 179-192. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-sotsialnyy-status-pozhilyh-lyudey-v-sovremennoy-rossii>.

5. Азарина М.С. Социальная эксклюзия пожилых людей в условиях постсоветской модернизации [Электронный документ] // *Социосфера*. – 2012. – № 4. – С. 75-76. – URL: [URL: psyjournals.ru/files/52803/Sociosfera_2012_n1_Azarina.pdf](http://psyjournals.ru/files/52803/Sociosfera_2012_n1_Azarina.pdf).

6. Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости [Электронный ресурс] // *Вестник общественного мнения*. – 2012. – № 3 (109). – С. 52-81. – URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001660/Pages%20from%20vom3\(2\)-7.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001660/Pages%20from%20vom3(2)-7.pdf).

7. Сагалаева Е.С. Ущемление прав пожилых людей в семье [Электронный документ] // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2012. – № 4 (14). – С. 231-233. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uschemlenie-prav-pozhilyh-lyudey-v-semie>.

8. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М., Щеглова Д.К. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // *Вестник Алтайского ГАУ*. – 2015. – № 5. – С. 180-184.

9. Максимова С.Г. Социальные ситуации фрустрации лиц пожилого и старческого возраста в контексте социально-психологической дезадаптации [Электронный ресурс] // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2000. – № 2. – С. 1-6. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2000/2/soci/TheNewsOfASU-2000-2-soci-04.pdf>.

10. Черепанова М.И. Специфика распространения суицидальных рисков среди населения пожилого и старческого возраста // *Известия Алтайского государственного университета*. – 2013. – № 2-1(78). – С. 234-236.

11. Silver H. Policies to reinforce social cohesion in Europe. In J.B. Figueiredo and A. de Haan (Eds.), *Social exclusion: An ILO perspective*. 1998. pp. 38-73.

12. Action plan to combat long-term unemployment. Available at <http://www.gouvernement.fr/en/action-plan-to-combat-long-term-unemployment>. Active for 25.02.2017.

13. New Labour because Britain deserves better. Available at <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab97.htm>. Active for 25.02.2017.

14. Paugam S. The spiral of precariousness: a multidimensional approach to the process of social disqualification in France, in Graham Room (ed.) *Beyond the Threshold. The Measurement and Analysis of Social Exclusion*. Bristol. The Policy Press, 1995, pp. 49-72.

15. Баранова К.Л. Социальная эксклюзия пожилых людей результаты измерения проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ [Электронный документ] // Ма-

тер. ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.М. Барбаков. – 2014. – С. 25-28. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22524446>.

16. Jehoel-Gijsbers G. and Vrooman C. Social Exclusion of the Elderly: A Comparative Study of EU Member States (September 2, 2008). ENEPRI Research Report № 57. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2027886> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2027886>. Active for 25.02.2017.

17. Sen A. Social Exclusion: A Critical Assessment of the Concept and Its Relevance. Paper presented at the Asian Development Bank. 1998.

References

1. Abrakhamson P. Sotsialnaya eksklyuziya i bednost // Obshchestvennye nauki i sovremennost. – 2001. – № 6. – С. 148-160.

2. Shmerlina I.A. «Liberalizatsiya sta-reniya»: teoreticheskie illyuzii i empiricheskie «anomalii» (chast I) [Elektronnyy resurs] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. – 2013. – № 3 (115). – С. 71-83. – URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Shmerlina_Liberalizatsiya_stareniya_1.pdf.

3. Chernyshkova E.V. Statusnye kharakteristiki pozhilykh lyudey: ekonomicheskiy aspekt [Elektronnyy dokument] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 32. – С. 175-181. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/statusnye-kharakteristiki-pozhilykh-lyudey-ekonomicheskiy-aspekt>.

4. Smolkin A.A. Bednost i sotsialnyy status pozhilykh lyudey v sovremennoy Rossii [Elektronnyy dokument] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. – 2010. – № 3 (97). – С. 179-192. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-sotsialnyy-status-pozhilykh-lyudey-v-sovremennoy-rossii>.

5. Azarina M.S. Sotsialnaya eksklyuziya pozhilykh lyudey v usloviyakh postsovetskoy modernizatsii [Elektronnyy dokument] // Sotsiosfera. – 2012. – № 4. – С. 75-76. – URL: http://psyjournals.ru/files/52803/Sociosfera_2012_n1_Azarina.pdf.

6. Levinson A.G. Institutsionalnye ramki starosti [Elektronnyy resurs] // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2012. – № 3 (109). – С. 52-81. – URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001660/Pages%20from%20vom3\(2\)-7.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001660/Pages%20from%20vom3(2)-7.pdf).

7. Sagalaeva E.S. Ushchemlenie prav pozhilykh lyudey v seme [Elektronnyy dokument] // Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl. – 2012. – № 4 (14). – С. 231-233. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uschemlenie-prav-pozhilykh-lyudey-v-semie>.

8. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimova M.M., Shcheglova D.K. Sotsialnaya eksklyuziya lits starshikh vozrastnykh grupp: sotsialno-ekonomicheskie aspekty // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2015. – № 5. – С. 180-184.

9. Maksimova S.G. Sotsialnye situatsii frustratsii lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta v kontekste sotsialno-psikhologicheskoy dezadaptatsii [Elektronnyy resurs] // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2000. – № 2. – С. 1-6. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2000/2/soci/TheNewsOfASU-2000-2-soci-04.pdf>.

10. Cherepanova M.I. Spetsifika rasprostraneniya suitsidalnykh riskov sredi naseleniya pozhilogo i starcheskogo vozrasta // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2-1 (78). – С. 234-236.

11. Silver H. Policies to reinforce social cohesion in Europe. In J.B. Figueiredo and A. de Haan (Eds.), Social exclusion: An ILO perspective. 1998. pp. 38-73.

12. Action plan to combat long-term unemployment. Available at <http://www.gouvernement.fr/en/action-plan-to-combat-long-term-unemployment>. Access date: 25.02.2017.

13. New Labour because Britain deserves better. Available at <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab97.htm>. Access date: 25.02.2017.

14. Paugam S. The spiral of precariousness: a multidimensional approach to the process of social disqualification in France, in Graham Room (ed.) Beyond the Threshold. The Measurement and Analysis of Social Exclusion. Bristol. The Policy Press, 1995, pp. 49-72.

15. Baranova K.L. Sotsialnaya eksklyuziya pozhilykh lyudey rezultaty izmereniya problemy formirovaniya edinogo prostranstva ekonomicheskogo i sotsialnogo razvitiya stran SNG [Elektronnyy dokument] // Materialy ezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otv. red: O.M. Barbaков. – 2014. – С. 25-28. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22524446>.

16. Jehoel-Gijsbers G. and Vrooman C. Social Exclusion of the Elderly: A Comparative Study of EU Member States (September 2, 2008). ENEPRI Research Report No. 57. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2027886> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2027886>. Access date: 25.02.2017.

17. Sen A. Social Exclusion: A Critical Assessment of the Concept and Its Relevance. Paper presented at the Asian Development Bank. 1998.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015-2017).